

Лебедев А. П. Греко-восточная церковь под владычеством турок после падения Византийской империи: (Исторические очерки) // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 1. С. 35–59 (1-я пагин.).

Греко-восточная церковь подъ владычествомъ Турокъ послѣ паденія Византийской имперіи.

(историческіе очерки).

Ist wohl kein Volck, welches mehr Liebe und Hochachtung gegen seine Kirche habe, als die Griechen.

« Не существуетъ народа, который имѣлъ бы большіе любви и уваженія къ своей церкви, чѣмъ Греки ».

Heinccius, Oberpfarrer (XVIII вѣка).

ВВЕДЕНИЕ.

Если отъ кого мы вправѣ ожидать серьезнаго и разнообразнаго изученія греческой церковной жизни послѣднихъ четырехъ столѣтій, то конечно отъ Грековъ. Греки обязаны и сами хорошо знать исторію своей церкви и давать способы ознакомляться съ нею и не — Грекамъ. Каждый народъ только самъ можетъ должнымъ образомъ изучать прошедшее своей исторической жизни. Мы — Русскіе изучаемъ и знаемъ церковную исторію своей родины такъ, какъ никто, никакой другой народъ на свѣтѣ; тоже должно сказать о каждой другой просвѣщенной націи по отношенію къ изученію ея своей исторіи. Французъ, Англичанинъ знаютъ свою исторію наилучшимъ образомъ по сравненію съ тѣмъ, какъ знаютъ ее другіе народы. И это вполне естественно. Если „и дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ“, то тѣмъ болѣе для насъ дорого все родное и настоящее, и прошедшее въ исторической жизни и развитіи общества. Мало того: только самъ народъ, который пережилъ свое прошедшее и въ настоящее время живетъ въ связи съ преданіями своей родной старины, только этотъ народъ и способенъ надлежащимъ образомъ понимать и воскрешать

въ памяти вѣрный образъ былого. Истины извѣстныя. Поэтому, мы вправѣ ожидать—повторяемъ,—что и Греки прошедшихъ временъ хорошо знали свою болѣе раннюю исторію, или точнѣе: церковную исторію, такъ какъ только объ этой послѣдней у насъ рѣчь, — и что Греки нашего вѣка еще лучше знаютъ и изслѣдуютъ прошедшую свою родную исторію. Но надежды наши въ этомъ отношеніи не совсѣмъ оправдываются. Греки прежнихъ временъ очень не старательно и не очень внимательно изучали свою родную исторію; не очень-то большихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи достигли Греки и нашего вѣка. Прежніе вѣка мало имѣли историковъ, занимавшихся сколько-нибудь серьезно дѣломъ изученія прошлой церковно-исторической жизни. Такихъ можно насчитать пожалуй только двоихъ: Досиѳея, патріарха іерусалимскаго и Мелетія, митрополита аѳинскаго. Оба они жили въ одно и тоже время—во второй половинѣ XVII вѣка и умерли въ началѣ XVIII-го. Первый написалъ „Исторію іерусалимскихъ патріарховъ въ 12 книгахъ“ (на самомъ же дѣлѣ это есть исторія не одного іерусалимскаго патріархата, а всей церкви); второй озаглавилъ свой трудъ: „Церковная Исторія“. Несомнѣнно оба они очень полезные церковные историки. Но если мы узнаемъ, какъ составлялись, издавались и печатались названные историческіе труды Досиѳея и Мелетія, то мы отлично поймемъ, что въ ихъ время и въ эпоху ближайшую къ нимъ на исторію смотрѣли съ замѣчательною беззаботностію, разумѣется, не случайною, а составлявшію характеристическую черту времени. Какъ сознается Досиѳей іерусалимскій, онъ не самъ сполна написалъ свой трудъ, но въ основу его положилъ готовое рукописное сочиненіе извѣстнаго Пансіа Лигарида (латинофрона, по отзыву Досиѳея) ¹⁾; въ свою очередь трудъ Досиѳея прежде печатанія былъ исправленъ и усовершенъ издателемъ его Хрисанѳомъ, патріархомъ іерусалимскимъ, преемникомъ Досиѳея по кафедрѣ и его племянникомъ ²⁾. Спрашивается: чье же въ дѣйствительности произведеніе мы имѣемъ подъ именемъ Досиѳея? Лига-

¹⁾ Δοσιθέου. *Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσόλ. πατριάρχων*. Βιβλ. II, σελ. 1180. In fol., Бухарестъ, 1715.

²⁾ Какъ это видно изъ самаго заглавія Досиѳеевой исторіи, пространно изложеннаго.

ридово? Досиоево? или жо Хрисанеово? Авторитетъ и характеръ каждаго изъ числа этихъ трехъ лицъ (Лигарида, Досиоея и Хрисанеа) не одинаковы; а между тѣмъ, руководясь главнымъ образомъ нашими свѣдѣнiями объ авторитетѣ и характерѣ историческаго повѣствователя, мы составляемъ критерiй, которымъ пользуемся при опредѣленiи степени достовѣрности извѣстiй или достоинства изысканiй даннаго историка. Такимъ образомъ, при первомъ же знакомствѣ съ Досиоевой исторiей, мы встрѣчаемся съ препятствiями, которыя лишаютъ насъ возможности рѣшить существенный вопросъ: съ какой степенью довѣрiя мы можемъ полагаться на составителя указанной исторiи, какъ на историческаго свидѣтеля. Пользоваться подобнымъ трудомъ, какъ историческимъ памятникомъ, мы можемъ собственно только подъ условiемъ строжайшей провѣрки показанiй, заключающихся въ этомъ произведенiи. Легкое ли это дѣло вообще, для иностранца въ особенности? — Не меньшiя затрудненiя испытываетъ историкъ нашего времени, если онъ захочетъ взять въ помощники своего дѣла и Мелетiя аенискаго. Мелетiй умеръ, не напечатавъ своего труда. Этотъ послѣднiй долго лежалъ безъ всякаго употребленiя въ одной константинопольской библиотекѣ, пока въ концѣ XVIII вѣка одинъ любитель науки случайно не наткнулся на рукопись, изумляясь открытiю такъ, какъ будто бы онъ открылъ невѣдомую Америку. Затѣмъ этотъ любитель науки издалъ рукопись въ свѣтъ. Но спрашивается: какъ онъ издавалъ ее? Совершенно необыкновеннымъ образомъ. Найдя рукопись, любитель просвѣщенiя отдалъ ее для приведенiя въ порядокъ и исправленiя какому-то Иоанну Палеологу, который не столько исправилъ ее, сколько неказилъ; въ виду этого, лице, обрѣтшее рукопись, вынуждено было передать ее еще третьему посреднику для той-же цѣли — иѣлкому Георгию Вендотису, который подвергъ Мелетiесу исторiю безконтрольной редакци 1). Спрашивается: въ какомъ видѣ исторiя Мелетiя вышла изъ рукъ ея творца? Сколь много причинилъ ей вреда Палеологъ? И дѣйствительно ли къ лучшему работалъ надъ нею Вендо-

1) *Μελετίου, Μητροπολ. Ἀθηνῶν. Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορίαι. Προλεγόμενα, σελ. 7—10. Τόμ. I. Βῆνα, 1783.*

тисъ? Какой авторитетъ можетъ имѣть исторія Мелетія въ наукѣ? Въмѣсто того, чтобы служить контролемъ вѣрности и точности свѣдѣній откуда-либо нами заимствуемыхъ, она сама нуждается въ строжайшемъ контролѣ и должна пробуждать неискоренимый скепсисъ.

Не въ лучшемъ положеніи очутится иностранный ученый, изучающій исторію греческой церкви новѣйшихъ временъ и въ томъ случаѣ, если онъ обратится за необходимыми уроками къ современнымъ греческимъ ученымъ, даже извѣстнѣйшимъ между ними. Помощь ихъ будетъ очень сомнительна, а иногда не будетъ оправдывать и самыхъ скромныхъ надеждъ. Оказывается, что и современные греческіе ученые, долгъ которыхъ хорошо и обстоятельно знать свою родную исторію и—въ этомъ отношеніи помогать своими совѣтами ученымъ негреческой національности,—въ своихъ познаніяхъ не стоятъ на высотѣ призванія. Для примѣра остановимся на одномъ, очень извѣстномъ современномъ греческомъ историкѣ, имя котораго на устахъ у каждаго, занимающагося греческой исторіею, историкъ, несомнѣнно оказавшемъ большія услуги по части изученія этой послѣдней, къ трудамъ котораго и мы сами очень часто будемъ прибѣгать въ дальнѣйшихъ нашихъ рѣчахъ; говоримъ объ аеинскомъ ученомъ, — кажется, еще и теперь здравствующемъ — Константинѣ Сатѣ. Какъ ни цѣнны для изученія греческой исторіи разныя изданія и ученые труды Константина Саты, однакожь требуется большая осторожность, чтобы избѣжать тѣхъ поразительныхъ ошибокъ и заблужденій, въ какія нерѣдко впадаетъ ново-греческій ученый въ своихъ трудахъ. Одинъ, очень почтенный греческій-же ученый, архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872), жившій на европейскомъ Западѣ, говорилъ о Сатѣ, что этотъ послѣдній очень не надежный руководитель для изучающихъ греческую церковную исторію новѣйшаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ названнаго греческаго архимандрита Димитракопула, Сата, говоря о греческихъ ученыхъ нашего времени, по невнимательности къ своему дѣлу „воскрешаетъ много мертвыхъ и хоронитъ много живыхъ“ (т. е. пишетъ о живыхъ, причисляя ихъ къ умершимъ, а о умершихъ, причисляя ихъ къ живымъ). Еще тяжеле погрѣшаютъ Сата, когда дѣлаетъ ученыя разъясненія о лицахъ, давно умер-

шихъ, по замѣчательныхъ въ исторіи греческой церкви: однихъ изъ такихъ — совершенно православныхъ онъ объявляетъ еретиками, а другихъ — неправославныхъ, аттестуетъ какъ людей чистѣйшаго православія, хотя еретичество первыхъ съ точки зрѣнія болѣе внимательнаго изслѣдователя есть невѣроятный абсурдъ, а православіе вторыхъ для такого же изслѣдователя болѣе, чѣмъ сомнительно ¹⁾. Впрочемъ и безъ указаній греческаго критика Димитраконула, не трудно усмотрѣть, что Сата дѣйствительно принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей, жребій которыхъ впадать въ непопозволительныя ошибки, тѣмъ болѣе опасныя, что онѣ легко могутъ переходить въ книги иностранныхъ ученыхъ, полагающихся на авторитетъ этого неутомимаго писателя. Представимъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ блужданій авторитетнаго греческаго ученаго — въ его изслѣдованіяхъ. Въ 1870 году, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, дѣлая замѣчанія о хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея монемвасійскаго (XVI в.), К. Сата заявляетъ слѣдующее: „замѣчательно, что патріархъ Константіи, синантъ (текущаго вѣка), въ сочиненіи: Константиніада впадаетъ въ двойную ошибку относительно автора указанной хронографіи; ибо онъ погрѣшительно считаетъ авторомъ этой хронографіи *Героея*, митрополита монемвасійскаго, а потомъ, стараясь поправить эту ошибку, впадаетъ въ новую“ и т. д. ²⁾. А чрезъ два года, именно въ 1872 году, тотъ же Сата, но въ другомъ своемъ сочиненіи, по этому же вопросу объ авторѣ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея, — говоритъ совсѣмъ обратное, т. е. то самое, за что онъ порицалъ патріарха Константія, какъ писателя и ученаго; именно въ этомъ, другомъ, сочиненіи аонпскій ученый дѣйствительнымъ авторомъ разсматриваемой хронографіи считаетъ не другаго кого, какъ Героея монемвасійскаго и въ доказательство говоритъ вотъ что: „во всей хронографіи совсѣмъ не упоминается Дороея, митроп. монемвасійскій, напротивъ объ Героеѣ монемвасійскомъ

¹⁾ Проф. П. Е. Тронцаго. Труды архимандрита Андроника Димитраконула. „Христ. Чтеніе“, 1873, т. III, стр. 635. 614 —15. 622—623.

²⁾ Σάτας, *Βιογραφίαν του σφαιρίστου κατά τον Ιστογράφον Γερόσιον Π: Παριότιμα*, σελ. 3. Аонны, 1870.

весьма часто здѣсь сообщаются такія свѣдѣнія, которыхъ другой никто знать не могъ; этотъ послѣдній крѣпко стоялъ за гонимаго патріарха Іеремію II-го и былъ его спутникомъ въ путешествіи въ Россію“, въ 1588—1591 году ¹⁾. Итакъ въ этихъ словахъ Сата считаетъ совершенно вѣрнымъ то, что признавалъ ученый патріархъ Константій и что незадолго предъ этимъ объявлялъ за ошибку аѳинскій ученый. Спрашивается: что же составляетъ правильное мнѣніе, истину — то ли, что Сата принималъ въ 1870 году или же то, что онъ сталъ признавать съ 1872 года? То, что онъ началъ утверждать съ 1872 года, ибо это мнѣніе о писателѣ хронографіи сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ (на это мы имѣемъ факты). Итакъ оказывается, что патріархъ константинопольскій Константій еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ написалъ свою „Константииаду“, держался совершенно правильныхъ воззрѣній на автора хронографіи, извѣстной съ именемъ Дороея. А аѳинскій ученый, пиша уже въ 1870 году, не только не счумѣлъ оцѣнить ученаго открытія патріарха константинопольскаго, но еще надѣлалъ ему упрековъ. Какъ назвать такого ученаго? Легкомысленнымъ? Думаемъ, что такъ. Какимъ руководителемъ и наставникомъ иностранныхъ историковъ, изучающихъ греческую исторію, можетъ быть такой ученый, которому они, по народному выраженію, по истинѣ должны бы отдать „и книги въ руки“, но который открытыми глазами взирая на научную истину, вмѣсто нея провозглашаетъ ложь? Разумѣется, очень не надежнымъ. — Еще другой, не менѣ любопытный примѣръ ученыхъ кривотолковъ Саты. Въ третьемъ томѣ своей „Греческой Библиотеки“ аѳинскій изслѣдователь пишетъ слѣдующее о вышеуказанномъ нами греческомъ церковномъ историкѣ Мелетіи аѳинскомъ: Мелетій „имѣлъ своимъ сотрудникомъ Хрисанѳа, родственника и преемника Досиѳеева по трону патріаршему въ Іерусалимѣ“. Къ этимъ словамъ подъ строкой еще сдѣлано примѣчаніе, гласящее: „къ нему (ясно къ Хрисанѳу) Мелетій послалъ на просмотръ неизданный автографъ его (т. е. чей? свой собственный?), находившійся въ свя-

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol. III, *Πρόλογος*, σελ. XVII. Venetiis, 1872.

тогробской библиотекѣ въ Константинополѣ. По сей причинѣ“ и пр. ¹⁾. Всѣ эти извѣстія ученаго Саты представляютъ сущій вздоръ, достойный незабвенной памяти извѣстнаго героя комедіи — Ивана Александровича Хлестакова. Мелетій аѳинскій не имѣлъ Хрисанѳа сотрудникомъ въ своей церковно-исторической работѣ, ибо Хрисанѳъ былъ сотрудникомъ дяди своего Досифея, автора сочиненія: „Исторія іерусалимскихъ патріарховъ“, а вовсе не сотрудникомъ Мелетія; въ святогробской константинопольской библиотекѣ Мелетій своего собственнаго сочиненія не открывалъ и не посылалъ его къ Хрисанѳу, ибо при жизни не имѣлъ никакой нужды сдавать свой трудъ въ архивъ. Всѣ ошибки Саты произошли отъ феноменальной его безпамятности. Въ другомъ своемъ произведеніи, явившемся въ свѣтъ на 4 года раньше третьяго тома „Греческой Библиотеки“, авторъ, т. е. Сата, очень правильно рассказывалъ всю исторію открытія и изданія Мелетіева сочиненія. Здѣсь говорится, что рукопись Мелетія подлинно была открыта въ святогробской библиотекѣ въ Константинополѣ, но открыта она спустя 60 лѣтъ по смерти митрополита аѳинскаго и спустя 35 лѣтъ по смерти Хрисанѳа. Значитъ посылать свою рукопись къ Хрисанѳу Мелетій не могъ, ибо оба они были въ это время въ мірѣ загробномъ. Да и вообще по открытіи рукописи, она совсѣмъ никуда не посылалась и надолго оставалась въ Константинополѣ. Дальнѣйшая ея судьба тоже хорошо извѣстна ²⁾. Итакъ мы встрѣчаемся съ печальной истиной. Сата въ третьемъ томѣ указанной „Греческой Библиотеки“ наговорилъ небылицъ объ исторіи Мелетія аѳинскаго единственно потому, что окончательно забылъ то, что онъ самъ писалъ о ней назадъ тому 4 года, а взглянуть въ свою собственную книгу и навести въ ней справку, когда онъ составлялъ III-ій томъ „Греческой Библиотеки“, ему не захотѣлось или не пришло на умъ. Такъ пишется исторія..... Научнымъ чутьемъ историка и критика К. Сата обладаетъ въ самой незначительной степени. Такъ, печатая открытый имъ памятникъ—„Церковную Исторію“, обхватывающую второе полу столѣтіе XVIII вѣка греческой

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, Πρόλογ., σελ. XXI.

²⁾ Σάθα. Νεοελληνική φιλολογία, σελ. 392. Аѳины, 1868 г.

церкви и написанную современникомъ, Сергіемъ Макреемъ, Сата чувствуетъ большое упоеніе отъ доставшагося ему счастія издать этотъ памятникъ. Онъ говоритъ о самомъ Макреѣ, что „это — единственное лице, достойное имени историка“; объ исторіи же, написанной Макреемъ, замѣчаетъ: „исторія эта должна быть разсматриваема, какъ одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ памятниковъ эллинизма, находившагося подъ господствомъ Турокъ“¹⁾. Но въ дѣйствительности нѣтъ надобности быть издателемъ исторіи Макрея, т. е. человѣкомъ, хорошо изучившимъ издаваемую въ свѣтъ рукопись, достаточно быть человѣкомъ съ небольшимъ историческимъ вкусомъ и прочесть содержащееся въ произведеніи Макрея, чтобы признать слѣдующее: Исторія Макрея есть не исторія, а второстепенныхъ качествъ мемуаръ, не могущій претендовать на особенно высокое мѣсто въ ряду достойныхъ своего имени историческихъ сочиненій. (Впрочемъ подробнѣе о Макреѣ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ).

Разсуждая такъ о старинныхъ греческихъ историкахъ и въ особенности о новѣйшемъ и знаменитомъ греческомъ ученомъ Константиѣ Сатѣ, мы однакожъ вовсе не хотимъ осуждать и порицать ихъ труды, во многомъ полезные. Мы сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣтокъ о вышеуказанныхъ писателяхъ съ другою цѣлюю. Если, какъ мы старались показать, старинные греческіе церковно-историческіе труды, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не обладаютъ должнымъ авторитетомъ въ глазахъ иностранца, пишущаго по исторіи греческой церкви, и если Сата такъ часто обманываетъ надежды этого послѣдняго, то можно ли признать благоприятнымъ положеніе не—греческаго ученаго, изслѣдующаго чуждую ему историческую среду? Нѣтъ, его положеніе очень затруднительно. Какая неприятная перспектива открывается для него къ своимъ собственнымъ ошибкамъ и погрѣшностямъ (безъ которыхъ не обойдешься) присоединить ошибки греческихъ историковъ въ особенности нашего времени, которые имѣютъ всѣ средства сокращать до минимума свои ошибки, но которые, какъ на грѣхъ, распространяютъ ихъ и тамъ, гдѣ имъ не должно бы быть

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca. Jbid., *σελ.* 24. 85.

мѣста! Сколько ошибокъ можно сдѣлать совершенно невольно, полагаясь, на примѣръ на авторитетъ Саты! И русская литература своимъ горькимъ опытомъ уже въ самомъ дѣлѣ доказала — и не разъ, какъ опасно полагаться на слова знаменитаго аѳинскаго историка. Представимъ себѣ такой случай: иностранецъ, пишущей по греческой церковной исторіи, имѣетъ подѣ руками то сочиненіе Саты, гдѣ утверждается, что неправильно считать авторомъ хронографіи, извѣстной съ именемъ Дорооея, не самого Дорооея, а не имѣетъ подѣ руками того сочиненія Саты, гдѣ это воззрѣніе опровергается и возстановляется истина — и вотъ у иностранца промахъ; или: если тотъ же иностранецъ прочтетъ новое сочиненіе Саты, гдѣ сообщаются невѣрныя извѣстія объ исторіи Мелетія аѳинскаго, а по прочтенъ болѣе стараго сочиненія того же автора, гдѣ изложены точныя свѣдѣнія относительно указанной исторіи — опять у иностранца промахъ, и очень постыдный. Но скажите: можно ли требовать отъ иностранца, чтобы онъ обладалъ всѣми книгами, изслѣдующими исторію чужой страны и не довѣрялъ туземцамъ этой, изслѣдуемой имъ, страны? Не было ли бы подобное требованіе слишкомъ притязательнымъ? Полагаемъ, что такъ. Поэтому, указывая на неизвинительныя ошибки Саты, мы только и хотимъ заявить о трудностяхъ, принимаемаго нами на себя, дѣла. Наша рѣчь о Сатѣ должна быть разсматриваема какъ *captatio benevolentiae*, обращенная въ сторону слишкомъ строгихъ читателей предлагаемыхъ очерковъ. Что наши очерки не будутъ свободны отъ ошибокъ — это несомнѣнно; но нужно брать во вниманіе условія, при какихъ возникаетъ самый трудъ...

Еще болѣе ошибокъ предстоитъ намъ надѣлать по исторіи Турціи. Писать о положеніи Грековъ въ Турціи, не имѣя основательныхъ руководствъ по политической и религіозной исторіи Турокъ — не легко и сопряжено съ опасностями. Подобныхъ трудовъ мы опять вправѣ были бы ожидать отъ Грековъ, столь давно живущихъ или еще недавно жившихъ, подѣ оттоманскимъ владычествомъ. Но сдѣлано ли что-либо Греками въ этомъ отношеніи? Сомнительно. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось слышать о какой либо исторіи Турокъ, написанной Греками и пользующейся солидной ученой репутаціей. Между тѣмъ

руководство Грековъ въ этомъ случаѣ — нѣтъ сомнѣнiя — было бы для насъ очень полезно. Греки живутъ или недавно жили среди Турокъ и лучше другихъ знаютъ характеръ этихъ послѣднихъ, между Греками перѣдко встрѣчаются люди, знающiе трудный турецкiй языкъ, для нихъ удобнѣе собирать книги по исторiи Турцiи и прилагать ихъ къ научному дѣлу. А какъ скоро ничего серьезнаго Греками не сдѣлано по этой части, иностранецъ, изучающiй греческую церковную исторiю турецкаго періода, терпитъ многообразныя затрудненiя. Какъ сѣумѣетъ подобный иностранецъ разобраться въ запутанныхъ вопросахъ объ отношенiи Турокъ къ христiанамъ, подданнымъ падишаха, и христiанъ къ турецкому правительству и народу? Иностранцы и русскiя пособiя въ данномъ случаѣ не могутъ приносить всей пользы, потому что они держатся неодинаковыхъ воззрѣнiй и равно недостаточно компетентны. Въ разсматриваемой, т. е. не-греческой литературѣ, возникаетъ вопросъ о томъ: нужно ли считать владычество Турокъ несчастiемъ для греко-христiанской наци, или же оно было скорѣе благомъ для нея, чѣмъ бѣдствiемъ? Повидимому, такого вопроса не должно бы и существовать; но на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ и рѣшается неодинаково — и притомъ, повидимому, не безъ основанiй ¹⁾. Далѣе: чѣмъ слѣдуетъ объяснять деспотическiя отношенiя Турокъ къ подвластнымъ христiанамъ (а такiя отношенiя фактъ общеизвестный)? Тѣмъ ли, что Турки грубы, а главное — фанатичны, какъ приверженцы ислама, или же тѣмъ, что они завидуютъ богатству и процвѣтанiю подвластныхъ имъ Грековъ и вообще христiанъ православныхъ (а иногда думаютъ и такъ)? Какъ рѣшить этотъ вопросъ? Да и самое богатство и процвѣтанiе Грековъ въ Турцiи — есть ли несомнѣнный фактъ или плодъ воображенiя? Кто стоялъ во

¹⁾ Въ дальнѣйшей рѣчи нашего „введенiя“ читатель встрѣтитъ много голословныхъ указанiй, не подтвержденныхъ соответствующими цитатами. Это потому, что еслибы мы всѣ эти указанiя стали подтверждать цитатами (и выдержками изъ книгъ), то половина введенiя состояла бы у насъ изъ цитатъ, что однакожъ я считаю непристойнымъ педантизмомъ. Замѣчу одно: вся дальнѣйшая рѣчь введенiя основана на документахъ и авторитетныхъ показанiяхъ: тѣ и другiя найдутъ мѣсто впоследствии. Здѣсь же, т. е. во введенiи, мы ограничимся лишь необходимѣйшими ссылками.

главѣ деспотическихъ дѣйствій Турокъ противъ разсматриваемыхъ христіанъ: само ли высшее турецкое правительство или второстепенные органы власти и народъ? Опять нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта. Отчего вначалѣ такъ сильно процвѣтала турецкая имперія, а потомъ стала неудержимо клониться къ паденію? Оттого ли, что на первыхъ порахъ Турки привлекали христіанъ къ разнымъ виднымъ должностямъ и пользовались ихъ опытомъ и знаніями, а потомъ взяли всѣ главныя дѣла въ свои неискусныя руки? Встрѣчается и тотъ, и другой отвѣтъ. Какъ тутъ разобратся? Да и вѣрно ли то, что сначала Турки давали ходъ Грекамъ, а потомъ преградили имъ доступъ къ вліятельнымъ должностямъ? Одни говорятъ по этому вопросу такъ, а другіе же иначе. Гдѣ найти контроль для себя? Само сабою понятно, что какъ эти, такъ и многіе другіе подобные вопросы намъ придется опредѣленнымъ образомъ рѣшить. Но можетъ ли быть у насъ увѣренность, что въ рѣшеніи ихъ мы станемъ на правый, а не фальшивый путь? Такой увѣренности, къ сожалѣнію, быть не можетъ. У насъ нѣтъ авторитетныхъ руководителей, какими могли быть только Греки, если бы они взяли на себя серьезный трудъ изученія исторіи турецкой имперіи — въ особенности съ точки зрѣнія отношеній Турокъ къ христіанамъ.

При такихъ, не совсѣмъ-то благопріятныхъ, условіяхъ беремъ мы за предпринимаемый нами трудъ.

Вышеуказанныя затрудненія такъ затрудненіями и остаются. Можемъ утѣшать себя тѣмъ, что если только тотъ не ошибается, — какъ говорить поговорка, — кто ни о чемъ не мыслить; то и не чувствуетъ затрудненій только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Есть вопросъ еще важнѣе. Можетъ быть, и не стоитъ посвящать себя изученію исторіи греческой церкви такого періода, который ничѣмъ не прославился? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, изучать такія времена, которыя не оставили по себѣ никакихъ крупныхъ историческихъ слѣдовъ? По общему мнѣнію иностранцевъ, Греки послѣднихъ вѣковъ представляютъ изъ себя въ религіозномъ отношеніи какихъ-то мумій, только именующихся людьми; къ нимъ, повидимому, могутъ вполне подходить ироническія замѣчанія русскаго сатирика по адресу людей, исполненныхъ претензіями, но въ самомъ дѣлѣ ничтожныхъ, отно-

сительно которыхъ онъ саркастически говоритъ, что они „мертвыми дланями ударяють въ пустыя перси“.

И не должно обманывать себя: періодъ исторіи греко-восточной церкви отъ паденія византійской имперіи до нашего времени далеко не принадлежитъ къ блестящимъ, т. е. къ такимъ, гдѣ церковно-историческая жизнь течетъ широко и своимъ теченіемъ захватываетъ многое-множество жизненныхъ явленій, къ такимъ, гдѣ результаты изученія возбуждаютъ интересъ, научное любопытство и представляются поучительными; понимая: поучительность въ обширномъ смыслѣ этого слова. Грецкая церковь давненько уже поувяла: задолго до паденія Византіи. Завоеваніе Византіи и съ нею греческаго народа Турками, конечно, не могло содѣйствовать оживленію историческаго положенія греческаго народа. Если сравнимъ состояніе греко-восточной церкви турецкаго періода съ состояніемъ той же церкви въ прошедшіе вѣка, то увидимъ, что такое сравненіе далеко не будетъ клониться въ пользу повѣйшей греческой церковной исторіи. Разумѣется, мы не думаемъ сравнивать состояніе этой церкви съ тѣмъ, какое характеризуетъ IV и V вѣка церкви, или эпоху иконоборцевъ или даже эпоху Фотія. Здѣсь сравненія не возможны, — и онѣ обнаруживали бы непонятную притязательность. Сравнимъ состояніе изучаемаго турецкаго періода съ періодомъ церковной жизни, начиная X-мъ, XI-мъ вѣкомъ и до половины XV-го, или до паденія византійской исторіи, т. е. съ совершенно неблестящими временами. Что же окажется? И здѣсь преимущества на сторонѣ древности. Если уже о Грекахъ отъ IX-го до XV-го вѣка люди, очень расположенные къ этому народу, рассматривая ихъ преимущественно съ религіозной стороны, говорятъ, впрочемъ не безъ преувеличенія, что они уже въ это время „совершенно изжились нравственно, умственно и физически“, то лучше ли стали Греки дальнѣйшихъ временъ, послѣ XV-го вѣка?

Что касается исторіи греко-восточной церкви отъ X, XI-го вѣка до половины XV-го ¹⁾, то по нашему сужденію, она

¹⁾ См. мой „Очерки исторіи греко-восточной церкви отъ конц. XI до пол. XV вѣка“ (М. 1892). Надѣюсь, многіе изъ читателей знакомы съ этой книгою.

не чужда еще интереса и возбуждасть нѣкоторую любознательность. Въ это время Греки, если и не задавались цѣлію воплощать въ жизнь религіозные идеалы, не поставляли никакихъ великихъ задачъ для настоящаго и будущаго въ церковномъ отношеніи, но они во всякомъ случаѣ хорошо знали и цѣнили тѣ религіозные идеалы, которые господствовали въ лучшія, прошедшія, времена; они ихъ знали, цѣнили, хотя и не прилагали попеченій о томъ, чтобы воплотить ихъ въ своей жизни, да и едвали съумѣли бы приняться за это дѣло. Да, Греки этой эпохи хорошо знали, что въ прежнія времена были такіе писатели, какъ Аѳанасій, Василій Великій, Златоустъ, Феодоритъ, Евсевій, Сократъ; изучили ихъ творенія и не чуждались доброй и ободряющей мысли, что и они сами подъ руководствомъ своихъ давнихъ учителей могутъ сдѣлать какой-нибудь вкладъ въ сокровищницу богословскихъ и другихъ знаній. Пусть они въ дѣйствительности мало сдѣлали; но самая вѣра ихъ въ собственныя силы да вмѣнитса имъ вмѣсто дѣлъ. Они способны были къ самокритикѣ, этому могущественному движителю просвѣщенія и всякаго прогресса. Самокритика ихъ заключалась, не въ томъ, что они бичевали себя на перекресткахъ, дѣлая изъ этого дѣла зрѣлище, а въ томъ, что они думали исправить себя, создать лучшее теченіе жизни. Положимъ это удавалось Грекамъ очень мало, или даже совсѣмъ не удавалось; но все же такая самокритика свидѣтельствовала, что застой, старческой маразмъ не охватилъ и не оледѣнилъ всѣхъ силъ народа. Добавимъ: безъ любопытства можно слѣдить за ходомъ жизни греческаго народа отъ X-го, XI-го вѣка до XV-го уже по тому одному, что такое разсмотрѣніе даетъ возможность разрѣшить для себя вопросъ: „что было и что стало“? Какъ случилось, что изъ народа живаго, бодрого, сильнаго онъ началъ превращаться въ какую-то полумумію хоть и съ добрыми порывами, но съ безцвѣтною, печальною дѣйствительностію. Такъ было до половины XV-го вѣка.

Какъ же пошли дѣла среди греческаго народа въ религіозномъ отношеніи послѣ поработченія его Турками? Съ полною увѣренностію можно сказать одно: Греки повѣйшаго времени не исцѣлились отъ своихъ старыхъ недуговъ, а лишь приумножили ихъ безъ мѣры и числа. Всякіе идеалы,

какими и красна жизнь, изсякли; религиозное знаніе, которое составляетъ важнѣйшій стимулъ въ церковной жизни каждаго народа, совсѣмъ исчезло. Великіе имена плодотвѣннѣйшихъ церковныхъ писателей древности сдѣлались лишь именами календарными. Великія имена никого не воодушевляли: они оставались какимъ-то вѣнннмъ декорумомъ. Почти вся литературная дѣятельность церковныхъ представителей ограничивалась полемикой съ латинянами и протестантами, но полемика эта была бесплодна и бездушна. Съ латинянами полемизировали такъ, какъ будто это были паписты IX-го, X-го вѣка. За тѣми измѣненіями, которыя происходили въ римско-католическомъ мірѣ и которыя давали новые поводы для живой и плодотворной полемики, никто не слѣдилъ. Поэтому, борьба съ латинянами была суха, оффиціальна, формалистична—и въ сущности ни для кого не нужна. Мало того: полемика эта была иногда просто полѣна и заставляетъ краснѣть за Грековъ, разсчитывавшихъ обезоруживать папистовъ выдумками и бабными баснями; выдумками и баснями, къ сожалѣнію, вошедшими въ самыя важныя церковныя ихъ книги—въ Пидалионы, кормчіи. О, Греки! Быть можетъ еще болѣе ничтожна полемика Грековъ разсматриваемыхъ вѣковъ съ протестантствомъ. Протестантство въ тѣ времена было явленіемъ новымъ, и должно было бы привлечь къ себѣ вниманіе греческихъ богослововъ и представителей церкви. Ничего такого однакожь не случилось. Они поняли только одно: что протестанство не есть православіе (а это пойметъ и ребенокъ!) и ограничивались тѣмъ, что на разные лады стали бранить „нечестивыхъ лютеранъ“, какъ будто это были какіе-то аріане или песторіане давняго времени. Грекамъ или греческой церкви въ концѣ XVI-го и началѣ XVII вѣковъ представлялся прекрасный случай „взять“ у протестантовъ „ихъ серебро и золото, оставивъ идоловъ при нихъ“, какъ поступили Израильтяне съ Египтянами, при выходѣ изъ ихъ страны ¹⁾, то есть заимствовать отъ протестантовъ то, что есть наилучшаго у нихъ,—ихъ науку богословскую, оставивъ заблужденія ихъ при нихъ самихъ, (сдѣлать то самое, что русское богословіе сдѣлало

¹⁾ Исх. XI, 2; 35 -36—съ перифразомъ блж. Августина.

въ новѣйшее время); но ничего такого Греки не сѣумѣли, да и не хотѣли устраивать. Если бы Греки раньше усвоили себѣ богословскую науку, созданную протестантами (какъ это позднѣе сдѣлали Русскіе), то безъ сомнѣнія было — бы лучше для русской церкви: эта послѣдняя могла бы отъ родственной церкви признать западную науку, не дожидаясь случая самой знакомиться съ этой наукой въ позднѣйшее время при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, — разумѣемъ сильно обострившіяся междучерковныя отношенія. Нужно ли говорить, что жизнь греческой церкви послѣдняго періода ея существованія — жизнь въ широкомъ смыслѣ слова — не представляла ничего особенно-отраднago и религиозно-высокаго? Теченіе церковной жизни обмельчало. Не ищите здѣсь многихъ и зрѣлыхъ плодовъ. Извѣстный знатокъ христіанскаго Востока, преосвящ. Парфирій (Успенскій) находилъ, что Восточную церковь справедливо упрекаютъ въ безплодіи: „она не Сарра, а Сара“, по выраженію этого знаменитаго историка ¹⁾. За неимѣніемъ высшихъ интересовъ, которые даютъ жизни смыслъ и цѣль, греческая церковь и ея представители начали тратить свои душевныя и нравственныя силы на пустяки. Греческіе архіереи только и думали о томъ, чтобы попрочнѣе держаться на своихъ мѣстахъ, въ виду интригъ и зависти, отличавшихъ этотъ ликъ вождей церкви; о томъ, чтобы угождать турецкой власти и въ замѣнъ того притѣснять подчиненный имъ народъ, выжимать изъ него побольше денегъ для возможно веселаго житія. Народъ представлялъ собою послушное стадо, которое волей-неволей давало себя стричь своимъ пастырямъ, не получая въ вознагражденіе за свое послушаніе — почти ничего. Вишняя обрядность, суевѣріе, невѣжество, изрѣдка индифферентизмъ — вотъ главное, къ чему сводилось проявленіе религиознаго начала у греческаго народа. Въ августѣ, 1891 года, скончался отъ апоплексическаго удара константинопольскій патріархъ Діонисій. Русскія газеты говорятъ, что онъ умеръ вслѣдствіе полученныхъ имъ худыхъ извѣстій о состояніи церкви въ его патріархатѣ. Газеты не разъясняютъ, въ чемъ состояли

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. московскаго. Томъ дополнительный, стр. 560. Петерб., 1887.

эти извѣстія; но во всякомъ случаѣ они были настолько тяжелы, что отъ нихъ можно было умереть, какъ отъ удара ножомъ въ сердце.

Изъ сейчасъ сдѣланной нами общей характеристики состоянія греческой церкви отъ паденія Константинополя до нашего времени, открывается, что въ сущности дѣла исторія указаннаго періода не заслуживаетъ серьезнаго научнаго изученія. Нельзя изучать всѣхъ и всяческихъ историческихъ явленій; еслибы наука взялась за это, то она только запуталась бы. Историческая наука, сохраняя свое достоинство, можетъ изучать только дѣйствительно живое, т. е. привносившее что-либо новое въ жизнь, и замѣчательное. Но какъ ни мало интереснаго и примѣчательнаго даетъ позднѣйшая греческая церковь для изучающаго ея историка, ревностные почитатели этой церкви для доказательства смысла и важности изученія ея, стараются открывать въ ней такія стороны, которыя невольно будто бы приковываютъ наше вниманіе къ ней, указываютъ, наприм., на великое просвѣтительное вліяніе со стороны „восточной церковной жизни“ и говорятъ: „въ XV-мъ вѣкѣ Греки, разбѣжавшіеся изъ поработеннаго Турками отечества положили начало умственному пробужденію западныхъ народовъ“. Положимъ такъ, скажемъ мы на это. Греки пробудили Западъ въ научномъ отношеніи, но, весьма вѣроятно, только потому, что лица, съ которыми они столкнулись, оказались воспримчивыми для образованія и науки, чѣмъ сами Греки едва ли могли похвалиться: Греки пришли на Западъ и принесли съ собою много превосходныхъ греческихъ сочиненій (конечно, древнихъ). Эти-то книги и были полезны для Запада, а не сами Греки; Греки, быть можетъ, были полезны тѣмъ, что сдѣлались учителями и руководителями при изученіи греческаго языка западными любителями науки. А главное при оцѣнкѣ разсматриваемаго факта не слѣдуетъ упускать изъ вниманія вотъ чего: 1) это были Греки, родившіеся и воспитавшіеся въ эпоху Палеологовъ, слѣдовательно въ тѣ времена, которыя можно назвать прошедшими по отношенію къ эпохѣ греческой церкви и народа послѣ паденія Византійской имперіи. 2) Весьма странно: какъ это могло случиться, что *все* образованные Греки разбѣжались, такъ что въ отечествѣ остались только одни

невѣжды; а такъ именно и представляютъ дѣло сами Греки, наприм. извѣстный Сата говоритъ: „разумнѣйшіе Греки, выселившись изъ отечества послѣ паденія Византіи, перенесли на Западъ пріятую отъ предковъ мудрость, оставили своихъ соотечественниковъ, находившихся въ Турціи, погруженными въ тьму жалкаго невѣжества. Такъ было до XVII вѣка“¹⁾. Въ дѣйствительной исторіи, сколько извѣстно, ничего такого не бываетъ. Если водворилась тьма непросвѣщенія въ Греціи, то дѣлу не помогло бы и то, когда-бы разбѣжавшіеся снова возвратились въ отечество. Да и бѣжали большею частію такія лица, которымъ дорого было не отечество, а самое бѣгство, сулившее имъ выгоды и интересъ — въ чемъ бы они не заключались. — Тѣже ревностные почитатели греческой церкви далѣе находятъ, что при изученіи греческой церковной исторіи, послѣ паденія Византіи, и нельзя быть очень требовательнымъ въ отношеніи къ этой исторіи, принимая во вниманіе иновѣрное господство, не благопріятствовавшее интересамъ христіанства. Намъ говорятъ: „здѣсь едва ли и можно спрашивать о томъ, внесла ли Восточная церковь новыхъ вѣсковъ что-либо значительное въ развитіе христіанской жизни и мысли. Здѣсь достаточно—говорятъ намъ (смотря на дѣло съ высоты птичьяго полета) ограничиваться вопросами такого рода: сохранила ли Восточная церковь въ наиболѣе темныя и тяжелыя времена—цѣлымъ и неповрежденнымъ святой залогъ православія, чистое преданіе древней вселенской церкви, среди многихъ искушеній и прельщеній, угрожавшихъ цѣлости ея вѣры? Помогла ли Восточная церковь, хоть сколько нибудь сохранить греческому народу нравственное сознаніе и національную самостоятельность, удержаны ли въ немъ хоть какіе нибудь залоговъ для будущаго возстановленія и возрожденія“? На эти важные вопросы, говорятъ намъ, нужно отвѣчать утвердительно, и такимъ образомъ оказывается, что будто бы греческая церковь имѣетъ не малыя заслуги въ исторіи. Конечно, скажемъ мы, заслугъ, сейчасъ указанныхъ, нельзя отрицать у греческой церкви. Но нужно сознаться, что о подобныхъ заслугахъ обыкновенно начинаютъ распространяться, когда не знаютъ:

1) Sathas. Biblioth. Graeca. Tom. III. *Πρόλογος*, σελ. 69.

что еще можно поставить въ заслугу извѣстному народу или извѣстной церкви? Несомнѣнно: Греки сохранили себя православными, не сдѣлались ни мосульманами, ни папистами, ни протестантами. Но еще вопросъ: не выгоднѣе ли было имъ оствоваться православными, чѣмъ принимать другую какую вѣру? Собственной ли ревности ихъ нужно приписывать честь сохраненія у нихъ православія? Какъ это ясно откроется изъ дальнѣйшихъ нашихъ рѣчей — на тотъ и другой вопросъ нельзя отвѣчать такъ, чтобы престижъ греческаго народа значительно не поубавился. Не вдаваясь въ подробныя разъясненія относительно перваго изъ указанныхъ вопросовъ, такъ какъ утвердительное рѣшеніе его не представится удивительнымъ и невѣроятнымъ; относительно же втораго вопроса приведемъ очень рѣшительныя слова одного нашего современника, человѣка долго жившаго на Востокѣ. Онъ говоритъ: „увы, живя въ Турціи, я скоро понялъ ужасающую вещь: я понялъ съ ужасомъ и горемъ, что *благодаря только Туркамъ* (курсивъ не нашъ) и держится еще многое истинно-православное на Востокѣ“. И это говоритъ ярый грекофилъ, не довѣряющій словамъ котораго нѣтъ никакихъ основаній. Да и еще дѣло не безспорное: нужно ли особенно восхищаться тѣмъ православіемъ, какое удержали у себя Греки? Не увѣрены. Православіе Грековъ—это талантъ, зарытый въ землю. Прежде всего истинное православіе есть высшая христіанская гуманность, преизобиліе любви. Православія, лишеннаго этой черты, представить себѣ нельзя. Между тѣмъ таково ли именно греческое православіе? ¹⁾ Оно безо всякихъ дока-

¹⁾ Позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. Многозначительный визитъ контръ адмирала Авелана, по Высочайшей волѣ, въ Тулонъ и Парижъ — къ народу напистическому и республиканскому — не затѣмъ ли сдѣланъ, чтобы положить, по милости Божіей, нѣкое основаніе для осуществленія словъ, не веде ежедневно повторяемыхъ въ церквахъ православно-русскихъ: „миръ мірови Твоему даруй“? Такъ обнаруживаетъ себя православіе въ нашемъ отечествѣ, а не такъ, какъ въ православной греческой церкви, гдѣ еще очень недавно маливались буквально сими словами: „*Αγιε Βασιλεϋ της δωξης προσδεξα... την ιπερ του βασιλεως σουλταν Απτοϋλ Μετζιτ—χαν* (Абдула Меджида-хана), *προσφερονενην σοι δεησιν... Ναι. Κεριε ο θεος του ελεους... χαταϊωσον μεν αυτον..., τα δε τουτου στρατευματα ενισχυσον, διαλυσον τας εχθρας και στασεις των επανισταμενων* (т. е. Русскихъ) Пресов. Порфирія. Исторія Аѳона. Часть III отдѣл. 2-ое, стр. 1081. Петерб. 1892.

зательствъ только себя почитаетъ настоящимъ православіемъ. Греки не иначе, какъ косо и неприязненно смотрятъ, не говоря уже о какихъ-нибудь Болгарахъ и Сербсахъ, но и на всѣхъ Русскихъ. Православіе Русскихъ для нихъ сильно подозрительно, а подозрительно оно между прочимъ потому, что Русскіе не чуждаются связей съ европейской культурой и наукой и не считаютъ единственнымъ источникомъ святости Греческую церковь. Намъ самимъ въ бесѣдахъ съ лицами вполне компетентными, облеченными высокимъ церковнымъ авторитетомъ, проведенными полжизни среди Грековъ, приходилось слышать (да и не секретъ это), что православные Греки давно предали бы открытой анаемѣ православныхъ Русскихъ, если бы не мѣшали финансовыя соображенія. Хорошо же, значить, православіе Грековъ, если оно не питаетъ любви къ такимъ же христіанамъ, какъ и они сами и если нетерпимость составляетъ рельефную черту этого (т. е. греческаго) православія? Что касается вопроса о томъ: помогла ли греческая церковь поддержанію національнаго чувства у Грековъ, то для церковнаго историка эта сторона дѣла малоинтересна. Извѣстно однако, что національное чувство среди греческой іерархіи приняло странную форму филэллинства, т. е. исключительно поклоненія и прославленія всего своего греческаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебреженія къ тому, что не составляетъ принадлежности греческой націи. Этимъ объясняется вражда Грековъ какъ къ балканскимъ славянамъ, такъ и къ Русскимъ. Греки мечтаютъ о возстановленіи какого-то своего греческаго царства и съ ужасомъ останавливаются предъ мыслию о возможности замѣны турецкаго владычества на Восфорѣ русскимъ.

Поистинѣ, Греки только и умѣютъ дѣлать одно: „мертвыми дланями ударять въ пустыя перси“. Неужели стоить изучать ихъ церковно-историческую жизнь?

Несомнѣнно, что изученіе исторіи греческой церкви очень полезно для пониманія развитія русской церковно-исторической жизни съ XV-го вѣка. Софья Палеологъ, преп. Максимъ Грекъ, Лихуды были люди греческой націи и до извѣстной степени греческой культуры. Много ли—мало ли, они вносили всежъ греческій элементъ въ жизнь русскаго народа, русской церкви. Вотъ почему, пожалуй, не лишнее

дѣло изучать Восточную церковь и послѣ паденія Византіи. И въ большую ошибку впадаютъ русскіе изслѣдователи, если пишутъ сочиненія по русской церковной исторіи и говорятъ при этомъ объ отношеніи Грековъ къ Россіи, не заглядывая однакожъ въ самую исторію греко-восточной церкви, въ ея документы (пусть они и скудны). Сочиненія такихъ русскихъ изслѣдователей оставляютъ странное впечатлѣніе въ читателѣ: какъ будтобы авторы написали и напечатали второй томъ своихъ произведеній, забывъ написать и оттиснуть предъидущій, первый томъ. Для писателя, возсоздающаго историческую картину русской церковно-исторической жизни XV, XVI и XVII вѣковъ знать и изучать Восточную церковь, безъ сомнѣнія, весьма полезно. Впрочемъ этимъ замѣчаніемъ хотимъ сказать мы то, что она съ этой стороны интересна для другихъ, но не для насъ, такъ какъ задачи русской церковной исторіи для насъ лично дѣло постороннее.

Для насъ и вообще для историковъ, посвящающихъ свой трудъ и отдающихъ свое вниманіе исторіи вселенской церкви—и конечно, больше всего древнихъ временъ—единственнымъ побужденіемъ изучать греческую церковь временъ турецкаго владычества, служить лишь слѣдующее соображеніе: какъ всякому болѣе или менѣе просвѣщенному Русскому прежде всего и больше всего нужно знать свою русскую исторію, хотя бы она въ общемъ развитіи человѣчества не имѣла великаго значенія, такъ точно и православному человѣку весьма не лишне знать исторію православной церкви и православному историку весьма не лишне заниматься этою исторіею и даже предпочтительно предъ римско-католическою и протестантскою исторіею. Исторія греческой церкви вѣдь это наша исторія, т. е. исторія нашей православной церкви. Хороша ли—не хороша ли эта исторія—зачеркнуть ее намъ жаль. Перефразируя извѣстныя слова Сенеки можно сказать: мы православные, т. е. греко-восточные христіане, и все православное, греко-восточное, не можетъ быть намъ чуждо. Да и самыя слова, поставленныя нами, въ эпиграфѣ—развѣ мало они значатъ? Нѣмецкій протоіерей (Oberpfarrer) считаетъ своимъ долгомъ заявить: „не существуетъ народа, который имѣлъ бы больше любви и уваженія къ своей церкви, чѣмъ Греки“, не смотря на обыч-

ное нерасположеніе протестантовъ къ греко-восточной церкви. И слова его вполне вѣрны: только греческій народъ имѣетъ столь большую привязанность къ своему духовенству, что онъ скорѣе самъ наголодается, чѣмъ допустить священниковъ до голоданія; христіанинъ Грекъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ принять сомнительнаго состава лекарство, постомъ; по народному воззрѣнію Грековъ, тѣло человѣка, умершаго подѣ церковной клятвой, цѣлые вѣка сохраняетъ отталкивающій видъ неразтожившагося трупа. Не среди ли Грековъ создавалась легенда, что въ запертой камерѣ Софійскаго храма въ Константинополѣ насильственно замуравленъ врагами священникъ XV-го вѣка, который совершалъ литургію въ часъ взятія столицы Турками и который въ часъ паденія владычества Турокъ въ тойже столицѣ, закончить когда-то начатую, но прерванную службу? Не о славу своего великаго города мечтаетъ Грекъ въ Софіи, а о томъ, что составляетъ „единое на потребу“. Не клики: *ζῆτω* (ура!) желаетъ онъ слышать здѣсь и зрѣть на браваго Константина XII Неопалеолога, а слышать слова божественной службы, произносимыя дряхлымъ іереемъ! Еще интереснѣе примѣръ привязанности Грековъ къ ихъ церкви, увидимъ сейчасъ — нѣсколько ниже.... Развѣ все это не знаменательно? Не возбуждаетъ своего рода интереса?

Но вотъ вопросъ: на что главнѣе всего слѣдуетъ обращать вниманіе при изслѣдованіи и описаніи турецкаго періода греческой церкви? Многіе думаютъ, что предметомъ, наиболѣе достойнымъ вниманія историка въ этомъ случаѣ должно быть мученичество турецкихъ Грековъ, какъ проявленіе христіанскаго характера и совершенства этого народа, сильно тѣснимаго, но не поборимаго деспотическимъ мосульманствомъ. Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Мартирологъ вездѣ и всегда одинаковъ ¹⁾. Мартирологъ греческій разсматриваемаго времени не носитъ ничего характеристичнаго. Тѣже тяжелыя, но крайне монотонныя сцены, какъ вездѣ и всегда. Нѣтъ, не сюда мы устремимъ наши взоры. Нѣчто

¹⁾ Исключеніе представляетъ лишь мартирологъ первыхъ временъ христіанства, потому что онъ имѣетъ не только историческое, но и глубоко-религіозное значеніе.

другое увлечетъ наше вниманіе. Предметомъ нашего наиболѣе ревностнаго изученія будетъ константинопольская патріархія. „Какъ? спроситъ читатель. „Это гнѣздо фанатиковъ, обезславленное у всѣхъ народовъ и притомъ уже съ давнихъ временъ“? Оно самое — подтвердимъ мы. Что же дѣлать? Константинопольская патріархія — тамъ что не говорите—есть важный факторъ въ исторіи греко-восточной церкви. Если обратимъ недостаточно вниманія на это явленіе, то совсѣмъ не поймемъ греческой церковной исторіи. Въ 1453 году византійская имперія пала, но не совсѣмъ; могущество ея сокрушено, но не до конца. Не тѣнь величія только, а и то, что составляетъ дѣйствительное величіе, отъ временъ древнихъ наследовано именно константинопольской патріархіей, точнѣе—самимъ константинопольскимъ патріархомъ. Какъ это случилось, рѣчь объ этомъ отложимъ до одного изъ послѣдующихъ нашихъ очерковъ. Только несомнѣнно случилось такъ, какъ утверждаемъ мы. Разогнемъ листы одной старой-престарой книги, насчитывающей болѣе трехъ сотъ лѣтъ бытія, прочтемъ здѣсь о томъ, что послѣдовало за избраніемъ одного изъ безчисленныхъ патріарховъ константинопольскихъ XVI вѣка и вникнемъ въ смыслъ словъ давняго лѣтописца. Лѣтописецъ говоритъ:

Ἐκάθισεν ἐπὶ θρόνον... Οἱ ἀρχιερεῖς ἐπροσκύθησαν αὐτὸν ὡς ἀθένητον αὐτῶν καὶ βασιλέαν, καὶ πατριάρχην ¹⁾.

Патріархъ „сѣлъ на тронѣ... Архіереи же поклонились ему, какъ своему властелину и какъ своему царю—и какъ патріарху“.

Это не случайная замѣтка. Нѣтъ, это характеристика многознаменательнаго явленія. Лѣтописецъ отмѣчаетъ крупный историческій фактъ. Архіереи, а въ лицѣ ихъ и самъ народъ греческій—въ чемъ нельзя сомнѣваться—поверглись предъ новоизбраннымъ первѣе всего какъ предъ своимъ царемъ и монархомъ, а потомъ и своимъ патріархомъ. Первая ихъ мысль при этомъ та, что избранъ у нихъ новый царь, и затѣмъ уже второе мѣсто занимаетъ мысль, что они получили въ его лицѣ законнаго патріарха. Но

¹⁾ Historia Patriarchica (Малакса), p. 168. Вѣ Turco-Graecia. Basiliae, 1584.

однакожь не потому онъ для нихъ патріархъ, что онъ въ то же время и царь; напротивъ потому онъ и царь, что онъ есть патріархъ. Патріархъ Новаго Рима есть какъ бы томнящійся въ неволѣ византійскій императоръ, лишенный свободы, но не власти; „и судилъ онъ безбоязненно“ (*ἀφόβως*) прибавляетъ вышеупомянутый лѣтописецъ въ томъ же мѣстѣ и при томъ же случаѣ. Да и чего можетъ бояться царь свободный, но со властію, о которой здѣсь не мѣсто распространяться. „Поверженный идолъ все же богъ“. Его глава украшена митрой въ видѣ короны съ изображеніемъ византійскаго двуглаваго орла, но въ рукахъ его не всеуносимый патріаршій жезлъ.

Читатель подумаетъ: „кажется, авторъ говоритъ не о константинопольскомъ патріархѣ, но о римскомъ папѣ, какимъ онъ былъ до 1870 года — времени потери этимъ послѣднимъ свѣтской власти“. Совершенно справедливо, онъ говоритъ о греко-восточномъ папѣ, но не обездоленнымъ и находящемся „не у дѣлъ“, а дѣйствующемъ и правящемъ. Патріархъ византійскій есть и „царь“ для своего греческаго народа и первосвященникъ для него. И во всякомъ случаѣ въ турецкія времена патріархъ несомнѣнно сталъ единымъ духовнымъ главою всего своего народа. Онъ стремился къ этому необыкновенному положенію еще во времена византійскихъ императоровъ и многого достигъ ¹⁾, но наибольшій успѣхъ увѣнчалъ его стремленія только послѣ 1453 года.... Давно ли случилось въ греческой константинопольской церкви любонитнѣйшее явленіе: что-то въ родѣ наложенія интердикта.... Засимъ чуть-ли не послѣдовало то, что происходило въ Средніе вѣка при такихъ же случаяхъ, по волѣ римскаго первосвященника на западѣ, когда двери церквей затворялись, дѣти оставались безъ

1) Мнѣніе, сейчасъ выраженное, не ново. Оно раскрыто въ книгѣ проф. Т. В. Барсова: „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію“ (Петерб., 1878). Со стороны критики мнѣніе это принято не одобрительно (въ особенности вооружался противъ него проф. А. С. Павловъ). Но должно сказать, что идея о восточномъ папствѣ сама по себѣ вѣрна. Ошибка г. Барсова заключается не въ допущенія самой идеи, а единственно въ томъ, что онъ старается обосновать ее на каноническихъ документахъ, тогда какъ доказывать ее возможно только историческими данными.

крещенія, мертвые хоронились безъ соблюденія церковнаго обряда, любящія сердца на неопредѣленный срокъ отлагали заключеніе брака. Зачѣмъ понадобилась подобная мѣра? Отнюдь не для отомщенія прегрѣшеній народа; потому что народъ ничѣмъ не преогорчилъ патріарха; а единственно для того, чтобы воочію показать Блистательной Портѣ, что и у патріарха тоже есть подданные, и при томъ очень послушные и вѣрные. Кажется, ни одного голоса протеста не раздавалось изъ среды Грековъ: всѣ подчинились своему духовному владыкѣ и съ умиленіемъ ожидали, чѣмъ все это кончится. (Это ли не „любовь и уваженіе къ церкви?“). Султанъ, олицетвореніе восточнаго деспотизма, смирился и уступилъ патріарху въ спорѣ о своихъ правахъ. „Орель затмилъ луну“. Какъ не похоже на отношенія дѣйствительнаго папы къ его врагу Гумберту (а раньше -- Виктору Эммануилу)! Папа сидитъ подъ замкомъ въ Ватиканѣ и тѣмъ думаетъ отстаивать свои сомнительныя права!

Патріархъ константинопольскій — историческая величина, гораздо значительнѣйшая, чѣмъ многіе воображаютъ. Не даромъ хронографическая церковно-историческая литература, появившаяся послѣ разгрома 1453 года, началась съ изданія книги подъ заглавіемъ: *Historia patriarchica* (1584 года), этой краткой лѣтописи патріарховъ константинопольскихъ XV и XVI-го вѣка, написанной взамѣнъ подобныхъ же византійскихъ царскихъ лѣтописей; и не даромъ же новѣйшее греческое церковно-историческое сочиненіе Мануила Гедсона: *Πατριαρχειοὶ πύραξες* (1890 года) — „Очерки патріарховъ“ замѣняютъ для Грековъ самую церковную исторію въ широкомъ смыслѣ этого слова: знать исторію своихъ патріарховъ для Грека значитъ знать все, что наиболѣе необходимо для человѣка, просвѣщеннаго по части родной церковной исторіи.

Одною изъ главныхъ и непремѣннѣйшихъ задачъ и нашего труда будетъ историческая жизнь константинопольскихъ патріарховъ. Патріарховъ — хорошо знаемъ это: часто — озлобляемыхъ, унижаемыхъ, гонимыхъ, изгоняемыхъ и умерщвляемыхъ; едва ли не въ большинствѣ случаевъ — унижающихся, роняющихъ свой санъ и достоинство, низкихъ и коварныхъ, корыстолюбивыхъ и порочныхъ; положимъ рѣдко — совершенно невѣжественныхъ, еле бредущихъ

по части греческой грамоты; положимъ и еще рѣже — ша-
тающихся по улицамъ столицы, подъ предводительствомъ
поводыря, съ протянутой рукой и твердящихъ что-нибудь
въ родѣ слѣдующихъ словъ: „дайте Велисарію на хлѣбъ,
Велисарій нищенствомъ питается“; живущихъ въ грязномъ
и вонючемъ Фанарѣ, одѣтыхъ въ бѣдную черную сутану и
священническую камплавку, не знающихъ что такое дворцы
прелатовъ, а довольствующихся обиталищемъ, которымъ
побрезговаль бы иной Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ,
но—все же великихъ своимъ авторитетомъ и вліятельнымъ
положеніемъ въ церкви вселенской,—этихъ папъ христіан-
скаго греческаго міра. Есть вещи, которыя и въ грязи блес-
тятъ.... Что были бы, если бы случился невѣроятный фактъ:
примѣрно, если бы патриархъ константинопольскій обра-
тился въ католичество римское?!....

Вотъ центръ тяжести предпологаемаго нами труда! Вотъ
основная точка зрѣнія на взятый нами для изученія пері-
одъ! Выдержать ли она критику—этого мы не знаемъ.

Существуетъ пословица: „пять Грековъ—шесть мнѣній“¹⁾.
Если такъ говорить о Грекахъ, то у пяти Русскихъ каса-
тельно Грековъ непремѣнно—семь мнѣній²⁾. Съ этимъ
явленіемъ по необходимости приходится считаться. Чтожъ?
Мы готовы если должны.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Гервинуса. Возстаніе и возрожденіе Греціи (исторія XIX вѣка, т. V-ый), стр. 92. Переводъ. Петерб., 1868.

²⁾ Очень яркій примѣръ непримиримыхъ противорѣчій, свойственныхъ русскимъ ученымъ, даже самолично изучавшимъ христіанскій Востокъ и при томъ со стороны вопросовъ, можно сказать, непосредственно очевидныхъ, указанъ въ статьѣ: А. Л.: „Свѣдѣнія и отзывы о современномъ состояніи христіанскаго Востока“. (Чтен. въ Общ. любит. Дух. Просвѣщ., 1893, апрѣль).